

Николай Помогаев

ОНТОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (ОТ ГЕРАКЛИТА ДО АРИСТОТЕЛЯ)

Все сущее в окружающем нас мире предстает как череда сменяющих друг друга событий, в модусах «было», «есть» и «будет», одним словом как временной ряд. Временной характер имеет и наше сознание, представляющее непрерывный «поток» сменяющих друг друга мыслей, эмоций, волевых импульсов. Да и наше существование – промежуток времени, длящийся между рождением и смертью. Не случайно теоретический интерес к проблеме времени всегда был весьма велик. Неоднократно цитировалась фраза Августина о том, что он понимает сущность времени, когда его не спрашивают о нем, но совершенно не знает, что есть время, когда его спрашивают. И действительно, до сих пор время проблематично. Люди научились «измерять» его течение при помощи хитроумных приборов, но вопрос: «что такое время?» – так и остается открытым. Вопрос о сущности времени влечет за собой другие: существует ли вообще время объективно, независимо от нашего сознания, или же является формой человеческого восприятия реальности (в духе Канта). А если существует объективно, то как – независимо от прочего сущего как самостоятельная субстанция или же неразрывно связано с вещами окружающего мира как форма их существования.

В свете этого следует обратиться к истории философского осмысления проблемы времени древнегреческими мыслителями, которым принадлежат приоритет в анализе сущности времени, определения его онтологического статуса. Цель статьи – описать эволюцию осмысления античными философами категории «время» в ее связи с категорией «бытие», начиная от досократиков и заканчивая Аристотелем, у которого, как известно, все имеющиеся философские категории получили наиболее ясное выражение. Я выделяю в греческой философии две тенденции осмысления связи бытия и времени: 1) традиционное для европейской культуры и классической философии противопоставления времени и вечности, «сущего» и «преходящего», при котором первое наделяется статусом истинной реальности, а второе мыслится как нечто вторичное, производное; 2) попытка мыслить время как неотъемлемое свойство самого бытия, благодаря которому последнее носит временной характер.

Первым из греческих мыслителей, о котором можно сказать, что у него проблема времени нашла отражение, пусть и в неосознанной форме, на мой взгляд, можно считать Гераклита Эфесского. «Все течет, все изменяется» [3, с. 43] – таков основной тезис философии Гераклита. Ничто в мире не стоит на месте, все пребывает в движении, постоянно

изменяется: «Нельзя войти в одну реку дважды» [3, с. 19]. Как писал Кессиди, «образ (смыслообраз) вечно текущей реки у Эфесца символ вечно изменчивого мира, вечно обновляющегося бытия» [2, с. 19]. Таким образом, в природе отсутствует какая-либо статика, состояние покоя и неизменность – фикции: «Мир процесс, поток вещей. Сама жизнь – движение и активность» [2, с. 19–20]. Первоосновой мира, субстанцией, из которой возникает все существующее, является Огонь, поскольку эта стихия наиболее подвижна, постоянно то вспыхивает, то угасает, а затем снова вспыхивает. Помимо тезиса о текучести всего сущего, важное значение Эфесец придавал тезису о взаимопереходе противоположностей. Все вещи в мире возникают благодаря переходу одной стихии в другую. Например, Земля происходит благодаря сгущению воды, а потому рождение Земли есть смерть воды и наоборот. Начало развитие всего сущего в борьбе противоположностей: «Война – отец всего и всего царь» [3, с. 46]. Но, несмотря на наличие в мире борьбы, в нем присутствует скрытая гармония. Космос имеет разумное устройство, все происходящие события подчиняются жесткому закону, по выражению Эфесца, «Логосу»: «Не мне, но Логосу внимайте». Логос – разумное начало, задающее направление движению всего в природе, приписывающее ей законы. Логос тождественен Первоогню – субстанции, из которой все происходит и куда, в конечном итоге, все возвращается. Как видно, сама по себе идея текучести всего сущего явно указывает на временной характер бытия в философии Гераклита. Время оказывается неотъемлемым свойством бытия, ведь все в мире находится в состоянии непрерывного перехода от прошлого состояния к настоящему, а затем к будущему. Даже Огонь, первостихия мира, тоже находится в состоянии регулярного движения, тоже существует в потоке времени. Правда, Гераклит неоднократно говорил о Вечности, сохранились его изречения, в которых он сетовал на нежелание большинства людей что-либо созидать для Вечности и стремлении к удовлетворению запросов текущего дня: «Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу – переходящим вещам: толпа же насыщается подобно скоту» [3, с. 43]. Также он говорил о том, что Логос, управляющий миром, существует вечно: «Хотя этот Логос существует вечно, люди не понимают его – ни прежде чем услышат о нем, ни услышав впервые» [3, с. 41]. Однако сам по себе вечный закон бытия состоит в его постоянной изменчивости. Вечным, по мысли Гераклита, является скорее не то, что пребывает вне времени, но то, что сохраняет свою самотождественность, находясь во временном потоке. Таким образом, здесь нашлось место и для вечности, и для времени, но при том (в этом заключается парадоксальность мышления философа) они не противостоят друг другу, а сливаются воедино, образуют неразрывное целое.

Если у Гераклита время носит онтологический характер, то

Парменид Элейский рисует в корне полярную картину. У Гераклита мир-поток, вечное становление, у Парменида же бытие неподвижно, неизменно, пребывает в состоянии вечного покоя. Все временное, текучее, всякое движение и изменение суть иллюзия, порожденная обманом эмпирического опыта. Парменид подчеркивает умопостижимый характер истины: эмпирическое знание изменчиво, непрочное, а потому мало достоверно. Реальность, данная нам в опыте, непостоянна, подвержена тлену и разрушению, ошибочно будет принимать ее за истину. Коль скоро истина самотождественна и неизменна, то ее основным свойством будет то, что она «есть», она никак не может быть «было» и «будет», ибо в таком случае она не абсолютна.

Один (путь) – что (нечто) есть и что невозможно

Не быть.

Это путь Убеждение (ибо оно соответствует истине) [5, с. 287].

Рассуждая так, мы приходим к выводу, что существует Бытие, а не ничто. Небытия нет, поскольку его нельзя помыслить, если мы скажем «небытие есть», то тем самым уже припишем ему свойство бытия.

Другой – что (нечто) не есть и что необходимо

Должно не быть

Вот эта тропа указываю тебе,

Совершенно неведома (непознаваема) [5, с. 287].

Поскольку есть только бытие, а не ничто, то не может быть никакого становления, ведь для того, чтобы стать чем-либо, необходимо до того им не быть. Становление предполагает определенный недостаток бытия, но подлинное бытие самодостаточно, не может ни в чем нуждаться. Бытие не было кем-то создано, и не наступит никогда его конца, оно просто существует, потому оно сверхвременно. Итак, мы можем видеть, что у Парменида истинно сущее не подвержено течению времени, все временное есть иллюзия.

Оно не «было» никогда и не «будет»,

Так как оно «есть» сейчас – все вместе

(одновременно) [5, с. 288].

В концепции Парменида ярко выражено противопоставление бытия и времени, бытие сверхвременно, а время мыслится как небытие, поскольку небытия нет, то и времени – нет. Таким образом, у Парменида Вечность и время противостоят друг другу, при этом только первое наделяется статусом истинно-сущего, в то время как второе онтологически вторично.

При всем различии в мировоззрениях Парменида и Гераклита есть одна существенная черта, их сближающая, и прослеживается она именно в понимании времени. Парменид так же, как и Гераклит, связывал временность с движением с изменением. Время им осмыслялось в

терминах «было», «есть», «будет», что подразумевает наличие некоего субстрата, претерпевающего все эти изменения. Оба мыслителя не признавали время в качестве абстрактной категории, независимой от изменений прочего сущего.

Мне хотелось бы обратить внимания на одну существенную деталь, а именно: важным свойством бытия Парменид считал умопостигаемый характер. Существование всего преходящего, тленного им отвергается потому, что его нельзя постигнуть умом. Тут, на мой взгляд, Парменид уловил важное свойство времени, о котором в 20 веке будет говорить А. Бергсон, а именно его непрозрачность для логико-понятийного мышления. Ведь рациональное мышление постигает мир при помощи понятий, а понятие всегда статично, и движение, изменение от него ускользают. Время воистину есть алогичная сущность, его течение мы можем только переживать, но как трудно дать ему сколь бы то ни было внятное словесное определение. Отсюда и вырастает привычка интеллекта мыслить время в пространственных категориях. Наше привычное деление времени на сутки, часы, минуты, секунды основано на уподоблении последнего пространству, которое можно делить на отдельные части, время предстает подобно кинолентке, состоящей из отдельных кадров. Но время не состоит из минут и секунд, оно всегда течет непрерывно. На уподоблении времени кинолентке основаны апории Зенона Элейского, в которых доказывается отсутствие в мире движения. В апории о летящей стреле получается, что в один и тот же момент стрела и занимает положенный участок и не занимает, а это нелепо. Однако время не состоит из отдельных моментов, оно всегда непрерывно течет. Словом, апории Зенона основаны на бессознательном уподоблении времени пространству и доказывают, скорее, не отсутствие движения, а трудность рационального постижения феномена времени.

Мы можем констатировать, что в древнегреческой философии наметились две тенденции осмысления связи времени и бытия: первая – Гераклитовская, когда бытие и время мыслятся в неразрывном единстве, вторая – Парменидовская, основанная на их противопоставлении. Компромиссом между ними стала концепция Демокрита из Абдер. Согласно ему, качественная своеобразность вещей объясняется различным числом и порядком расположения атомов, из которых, они состоят: «все прочее состоит из неделимых частиц, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам; вещи же отличаются друг от друга (неделимыми), из которых состоят, их положением и порядком» [3, с. 58]. Возникновение и уничтожение вещей в мире объясняется сцеплением атомов между собой и распадом их связи, сами же атомы, поскольку неделимы, не могут ни возникнуть, ни исчезнуть, их существование вечно. Как видим, эта картина мира весьма близка Ньютонианской физике, тем

самым предвосхищая научное мировоззрение Нового времени. После открытия Ньютоном основных законов механики в науке прочно утвердилась картина космоса как бесконечного однородного, пустого пространства, в котором движутся материальные тела, при этом пространство само по себе какместилище тел существует независимо от них. Время в этой картине мира мыслится так же как существующее независимо от прочего сущего, непрерывно текущее из прошлого в будущее, абсолютно однородное и линейное. К сожалению, в немногих высказываниях Демокрита, что дошли до нас, нет прямых высказываний о том, что есть время и каково его место среди сущего. Однако, принимая во внимание устойчивую привычку человеческого разума мыслить пространственными категориями и, в частности, мыслить время по аналогии с пространством, можно выдвинуть гипотезу о том, что картина времени у Демокрита могла быть подобной его картине пространства. Возможно, что время он мыслил как существующее независимо от вещей, как нематериальную длительность, как линейно-текущее из прошлого в будущее и однородное. Если такая интерпретация Демокритовского понимания времени верна, то время в его системе, безусловно, онтологично, его бытие – реально. Пространство и время предстают как самостоятельные сущности, могущие существовать независимо от наполняющих их атомов. Время можно абстрагировать от движения сущего в мире. Так же можно абстрагировать от времени и существование атомов, хотя движение, соединение и распад связи между ними происходят параллельно течению времени, однако существование атомов может быть осмыслено как вневременное. Если у Гераклита и Парменида время неразрывно связано с бытием прочего сущего, то у Демокрита время, а с ним и пространство, приобретают статус самостоятельного сущего, независимого от субстанции, наполняющей его. Таким образом, можно констатировать наличие в системе Демокрита противопоставления времени, с одной стороны, и вечной и неизменной основы мира, с другой, то есть противостояние времени и вечности.

Распространенным является мнение, что на формирование мировоззрения и учения об идеях Платона, кроме Сократа, оказали также влияние, во-первых, Гераклит, от которого, Платон унаследовал идею постоянной текучести, изменчивости материального мира, во-вторых, Парменид с идеей вечности и неизменности подлинного бытия, а также Пифагор и его школа с идеей числа и гармонии как основы закономерности происходящих в мире событий. Материальный мир, мир единичных вещей, по Платону, всего лишь отражение мира идеальных сущностей, эйдосов – вечных пробразов всех видов сущего. Собственно мир идей и является подлинно существующим, бытием «*par excellence*», реальность материального мира неустойчива, единичные вещи

подвержены порче и разрушению. Взгляды на природу времени и пространства Платон изложил в «Тимее», посвященном проблемам космологии и космогонии. Речь Тимея начинается с рассуждения о разнице между вечным бытием и преходящим. Вечное нам открывается при помощи умопознания, в противоположность ему все изменчивое постигается при помощи органов чувств: «Что есть вечное не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается при помощи размышления и рассуждения, очевидно и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле» [4, с. 432]. В приведенном отрывке сильно влияние Парменида с его идеей подлинного бытия как неизменного и самождественного, постигаемого при помощи ума. Далее последовательно выводится мысль о тварности материального мира. Ведь если подлинная реальность, а именно мир идей, будучи неизменным и самождественным, не может быть кем-либо сотворен или уничтожен, то мир материальных вещей, будучи подвижным и изменчивым, непременно должен иметь начало: «Оно возникло, ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и воспринимаются в результате ощущения, оказываются возникшими и порожденными» [4, с. 432]. Мир был сотворен Богом (Демииургом), который создавал материальную вселенную, созерцая мир вечных идей. Все роды и виды сущего были созданы в соответствии с определенными идеями. При этом творец старался, чтобы создаваемые им вещи были наиболее полно похожи на образцы, чтобы вещи, которые суть копии идеи, были как можно ближе к оригиналу: «Возникши таким Космос был создан по тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума» [4, с. 433]. Материалом для творения устройтею мира послужило вещество, пребывавшее в неупорядоченном и хаотическом состоянии: «Итак, пожелавши, чтобы все было хорошо, Бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в постоянном и беспорядочном движении; Он привел их из беспорядка в порядок, полагая, что второе безусловно, лучше первого» [4, с. 435]. Бог творит мир не из ничего, а из совечной ему материи, в которую вносит порядок строго в соответствии с числовыми соотношениями, т. е. его функция – упорядочивающая. Процесс созидания материального мира равнозначен переходу от хаоса к порядку. Тут мы видим явное родство платоновской космогонии с мифологическими картинами сотворения мира. Творение мира Бог начал с организации структуры пространства Космоса: «Он путем вращения округлил Космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра» [4, с. 435]. Пространство космоса – конечно и имеет геометрически-правильную форму. Мировая душа имеет пространственную локализацию, помещается в центре сферы мира, откуда

«растекается» по всему его протяжению: «В его центре Построявший дал место Душе, откуда распространил ее по всему протяжению и в придачу облек ее тело из вне» [4, с. 439]. Космос был сотворен по подобию миру идей, идеи же не рождаются и не умирают, они просто существуют – вечны и неизменны, а потому тварный мир должен быть подобным вечности. Таким подобием и является время, которое было создано вместе с космосом. «Поэтому он и замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности» [4, с. 439–440], – обратим внимание, тут время названо «неким движущимся». То есть опять время неразрывно связано с движением. Далее: «устроя небо он вместе с тем творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называем временем» [4, с. 440] – движение времени происходит в соответствии с числовыми пропорциями. Течение времени здесь циклично, конец одного цикла совпадает с началом нового, длительность каждого цикла соответствует периоду вращения небесных светил: «Чтобы время родилось из разума и мысли Бога, возникли солнце и луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы отделять и блюсти числа времени». Течение времени неотделимо от движения планет по небесному своду, фактически ему тождественно. При этом скорость обращения каждой планеты соотносится со скоростью обращения другой по законам числовых пропорций. Кроме того, течение времени началось тогда, когда был сотворен мир, точнее, небесный свод, на котором расположены планеты и звезды, с помощью которых мы измеряем его ход. Время, по Платону, онтологически вторично, было сотворено вместе с миром. «Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он установил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено» [4, с. 441]. При этом для Платона время неотделимо от способов его счисления, от таких понятий как «день», «месяц», «год». Значит, время в платоновском мире всегда конкретно, ему чужда идея абстрактного, линейного, непрерывного времени. Оно существует лишь в форме определенных промежутков как «время дня» или «время ночи». Платон противопоставляет вечность и время: подлинное бытие вечно, пребывает в состоянии покоя, все временное, подверженное изменениям онтологически вторично: «было» и «будет» суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы совершаем ошибку. «Ведь мы говорим об этой сущности, что она “была” и “будет”, но, если рассудить правильно, ей подобает одно только “есть”, между тем как “было” и “будет” приложимо лишь к возникающему, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движение. Но тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться во времени старше или моложе, либо стать таким когда-то, теперь или в будущем, либо вообще претерпевать, чтобы то ни было из

того, чем возникновение наделило несущееся и данные в ощущении вещи» [4, с. 442]. Правда, такое понимание времени таит в себе трудность, ведь сами по себе выражения – «время возникло» или «время начало течь с момента сотворения мира» – содержат в себе противоречие. Понятия «возникновение», «начало» суть модусы времени, заранее его предполагают. Сами по себе «до» и «после» – проявления временной последовательности. Получается, что, с одной стороны, до сотворения мира не было времени, но для того, чтобы оно могло начать быть, оно уже должно было существовать. Задумывался ли Платон над этой дилеммой или нет, неизвестно. Однако можно предположить, что, говоря о «начале времени», Платон имел в виду слово «начало» в метафизическом смысле, подчеркивал его онтологическую вторичность, ведь вопрос о первичности того или иного из бытийных начал необязательно понимать в смысле: «что раньше было?», можно его сформулировать и в смысле: «что лежит в основе бытия всего сущего».

Разработке проблем пространства и времени Аристотелем посвящена его 4-я книга «Физики», в главе 10-й которой он ставит вопрос об онтологическом статусе времени: «Принадлежит ли (время) к числу существующих или несуществующих (вещей), затем какова его природа» [1, с. 145]. Аристотель рассматривает время в связи с движением, изменением. При этом время не есть движение: «Изменение и движение каждого (тела) происходят только в нем самом или там, где случиться быть самому движущемуся и изменяющемуся; время же равномерно везде и при всем. Далее изменение может идти быстрее и медленнее, время же не может, так как медленное и быстрое определяется временем: быстрое есть далеко продвигающееся в течении малого времени, медленное же мало продвигающееся в течение большего времени» [1, с. 147]. Хотя время тесно связано и с движением: «Однако время не существует и без изменения... Ибо когда не происходит никаких изменений в нашем мышлении или когда мы не замечаем изменений, нам не будет казаться, что протекло время» [1, с. 147–148]. Потому исследовать время необходимо в связи с движением. С одной стороны, Аристотель настаивает на однородности времени, говоря, что во всех частях мира оно течет одинаково, но с другой стороны, не признает существование абсолютного времени независимого от движущихся предметов. И в этом он является продолжателем общей для греков тенденции – соотносить время с движением. Если время не есть само по себе движение, то как же оно связано с ним? Ответ философа гласит: время есть число или мера движения. Говорить о течении времени мы можем тогда, когда выделяем в движении две крайние точки: состояние движущегося в момент начала движения и в момент завершения, промежуточное состояние между этими точками и есть течение времени: «И действительно, мы время распознаем,

когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее, и тогда говорим, что протекло время, когда воспринимаем чувствами предыдущее и последующее в движении. Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними – нечто отличное от них; ибо когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два “теперь” – предыдущее и последующее, тогда это (именно) мы и называем временем, так как ограниченное (моментами) “теперь” и кажется нам временем» [1, с. 148]. Если переход из одной точки в другую совершается интенсивно, мы говорим: «протекло мало времени», а если же менее, то «много». Словом, время есть мерило интенсивности движения. Отношение времени к движению не односторонне, время – мера движения, но и движение – мера для времени. Идеальной мерой времени является круговое движение небесной сферы, «круг времени». Поскольку время не существует без движения, присутствует там, где есть какое-либо изменение, то бессмысленно говорить о нем в случае, если такового нет. Вечные сущности, такие как: Бог (он же Перводвигатель) или же формы как таковые – пребывают вне времени. У Аристотеля мы также сталкиваемся с противопоставлением времени и вечности. Ведь изменение, становление, возможны там, где есть потенциальность, недостаток действительного бытия. Время связано с некой бытийственной ущербностью, с небытием.

Подведем итог сказанному об античном восприятии времени. В древнегреческой философии возникли две тенденции осмысления времени; первая, восходящая к Гераклиту, осмыслять время в неразрывной связи с бытием, вторая, Парменидовская, противопоставления времени и бытия. Однако «линия Гераклита» не получила дальнейшего развития, в общем в мышлении греков преобладала «линия Парменида», направленная на противопоставление подлинного бытия и времени, связывающая время с определенным недостатком бытия. При этом для большинства античных философов, за исключением Демокрита, было характерно связывать время с движением. Идея абсолютного времени, текущего независимо от изменений мирового сущего, была чужда мысли греков.

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т.– Т. 3.– М.: Мысль, 1981.
2. Кессиди Ф. Х. Гераклит.– М.: Мысль, 1978.
3. Материалисты древней Греции.– М.: Политиздат, 1955.
4. Платон. Сочинения: В 4-х т.– Т. 3.– М.: Мысль, 1994.
5. Фрагменты ранних философов. Ч 1.– М.: Наука, 1987.